

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ВНЕШНИХ СИЛ В СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ: ФАКТОР МЕСТНОЙ ПОДДЕРЖКИ

Х.И. Альмехраз, старший преподаватель

Бишкекский государственный университет им. К. Карасаева
(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-7-1-134-140

***Аннотация.** Статья посвящена проблемам вмешательства внешних сил в сирийском конфликте и развитие сирийской вооруженной оппозиции с поддержкой из-за рубежа. А также влиянию внешних факторов, которые нашли благодатную почву для развития своих собственных политических и экономических целей в Сирии. В следствие высокой степени раздробленности сирийского общества по этноконфессиональному признаку образовались два основных потока в сирийском обществе: правительственный и антиправительственный.*

***Ключевые слова:** Сирия, режим Башара Асада, внешние факторы, сирийская почва.*

Сирийский конфликт, на протяжении последних лет разрывающий эту ближневосточную страну, имеет очень сложную природу и глубинные корни, которые десятилетиями вызревали в обществе этой страны. Поэтому не вызывает сомнений, что его эскалация происходила под тесным влиянием не столько внешних, сколько внутренних причин, которые были во многом обусловлены проводимой до этого политикой режима клана Асадов, который находится у власти в Сирии с 1970 года. В этом отношении даже правильнее будет утверждать, что именно особенности реализации внутренней политики сирийской политической элитой с постепенным нарастанием высокого потенциала внутренних противоречий в сирийском обществе закладывают основу для формирования противостояния режима Асадов и разнородной оппозиции, что закладывает основу для вмешательства внешних сил в данный конфликт.

Разумеется, что поддержка в ходе сирийского кризиса различных оппозиционных сил является также отражением сложнейшей геополитической обстановки на Ближнем Востоке в целом. Поэтому тут необходимо учесть такое обстоятельство, что собственно поддержка сирийской оппозиции его внутренними факторами служит вполне закономерным отражением противостояния Саудовской Аравии, Ирана, Турции и, в меньшей мере – Катара и

Израиля в регионе. Гораздо более ситуативным, но в то же время не менее прагматичным выглядит стимулирование ряда оппозиционных сил США и ЕС, которые ставят своими целями не столько свержение власти режима Б. Асада, сколько доступ к нефтяным богатствам Ближнего Востока и контролю к их транзиту в нужном для себя направлении. Поэтому при частичном совпадении целей «западных» и внутрирегиональных игроков, за исключением Ирана, который последовательно выстраивает ось на сотрудничество с официальным Дамаском, борьба с последним выглядит вполне закономерной. Но реализовать это необходимо было руками самих сирийцев, чтобы сам процесс борьбы с режимом Б. Асада и его возможное последующее свержение выглядели легитимными в глазах мирового сообщества.

Это, с другой стороны, нисколько не обеляет режим последнего, так как большое количество нерешенных внутренних политических, экономических и социальных проблем способствовало постепенной латентной поляризации внутри сирийского общества. А отсутствие реальной политической оппозиции в стране не создавало условия для диалога между властью и все более недовольной частью сирийцев. Поэтому было достаточно небольшого толчка извне, чтобы все эти долгое время накапливаемые противоречия вылились в кровопролитную гражданскую войну.

Впрочем, для понимания какое значение в эскалации сирийского кризиса имела ориентация оппозиции на поддержку внешних сил и как это отразилось на его ходе, необходимо учесть ряд факторов, которые оказали особое значение. Так как без сопряжения внутреннего протестного потенциала и нарастающей его идейной, финансовой и военно-технической поддержки в целом могло не произойти столь мощного конфликта. Все могло достаточно быстро завершиться относительно быстрым поражением противников режима Асадов, как это было во время событий Хаме в 1982 и в Хомсе в 1983 годах [14, с. 209-211].

Одним из важнейших подобных факторов можно считать то, что спецификой политических процессов в Сирии до событий «Арабской весны» 2011 года было то, что любое проявление оппозиционных настроений чаще всего принимало религиозную или даже в целом этноконфессиональную окраску. Что в этом случае было закономерно, учитывая, что Ближний Восток никак нельзя назвать секуляризированным регионом, поэтому религиозные процессы здесь всегда играли особо значительную роль, отражаясь на структуре самого сирийского общества, которое было и до настоящего времени остается жестко сегментировано этноконфессиональному признаку. Вследствие этого фактора политические и иные симпатии сирийцев в основном выстраиваются в русле принадлежности той или иной общности внутри страны. В конечном итоге это ярко проявилось в постепенном углублении сирийского конфликта и продолжает играть заметную роль вплоть до настоящего момента.

Традиционная ориентация режима Асадов на сравнительно небольшую этноконфессиональную группу алавитов (выходцем из которой был сам Х. Асад) при относительно прагматическом союзе с наиболее влиятельными в Сирии суннитскими кланами, с которыми вскоре семейство Асадов связали тесные семейно-брачные узы, вызвало определенный перекос в политической и экономической сферах. Алавиты контролировали силовые

структуры, спецслужбы и во многом армию. И по мере некоторой либерализации внутренней политики в экономической сфере связанные с ними богатейшие суннитские кланы смогли укрепить свое присутствие и влияние в этой сфере [1, с. 60-61]. Основная же часть суннитов, которые составляют в Сирии от 60 до 74% населения [11, с. 86; 6], оказались исключены в основной своей массе из политических процессов, не имели возможности активной экономической деятельности, так как населяют менее развитые внутренние аграрные районы страны (восток и северо-восток). Последние в ходе экономических реформ Б. Асада в 2000-х годах оказались в еще более худшем социальном положении [21, р. 115-116], что только усиливало там скрытое недовольство режимом.

Другим существенным моментом, оказавшим огромное влияние на формирование в ходе сирийского конфликта оппозиции, ориентированного на внешнюю поддержку, стало подавление суннитского исламизма в стране практически с самого начала установления режима Х. Асада в 1970 году. В первую очередь это относится к одному из наиболее влиятельных региональных движений политического ислама, как «Братья-мусульмане» (террористическая организация, запрещенная в России), взгляды которых кардинально расходились с политическими установками партии арабского социалистического возрождения «Баас». По этой причине с самого начала режим Асадов ведет непримиримую борьбу с ними, которые в свою очередь – прибегли к крупным террористическим актам и мятежам [12, с. 240-248]. В 1980 году организация «Братья-мусульмане» была объявлена в Сирии вне закона и начинаются жестокие репрессии против нее, что приводит не только к тому, что значительная часть ее членов переходит к подпольной деятельности, но и к тому, что большая часть ее сирийского руководства перемещается за границу, преимущественно в соседние страны – Ирак, Иорданию, Египет и др. Причем, на территории соседнего с Сирией Ирака «Братья-мусульмане» создают тренировочные лагеря по подготовке членов своего боевого

крыла [1, с. 60-61]. Не без оснований считается, что именно они стояли за событиями кровавого антиасадовского мятежа Хаме в 1982 года, жестко подавленными правительственными силами.

Поэтому с подавлением организации «Братьев-мусульман» в 80-е годы прошлого века они переходят к активной подпольной пропаганде своих идей в суннитской среде Сирии. Однако она приводит к каким-либо существенным успехам только в 2000-е годы, когда в результате не слишком успешных экономических реформ в сельских районах, населенных суннитами, все более усиливаются негативные социально-экономические процессы, приводящие к ухудшению уровня жизни [20, р. 10-11]. Все это вызывает еще большее недовольство правящим режимом Асадов и все чаще не без участия проповедников «Братьев-мусульман» начинают звучать идеи политического реформирования в пользу доминирования суннитского большинства. Это закономерно приводит не только к заметному увеличению не только членов этой организации, но и к резкому росту сочувствующих.

В сходной ситуации в Сирии оказались также салафиты, общины которых, впрочем, всегда были очень немногочисленными в этой стране. Но, возникнув под влиянием соседней Саудовской Аравии, они никогда не порывали связей со своими единоверцами там. Как и деятельность «Братьев-мусульман», какая-либо активность сирийских салафитов также была под запретом при Х. и Б. Асадах. Поэтому они также вели по преимуществу скрытую нелегальную пропаганду своих идейных установок. Причем, нарастание их активности также можно в большей мере связать с началом XXI, когда с приходом инвестиций из стран Персидского залива приходит и негласная финансовая помощь сирийским салафитам. А нарастание протестных настроений в суннитской среде Сирии становится только питательной средой для восприятия их идей [4].

Впрочем, нельзя не отметить, что и сам режим Б. Асада совершил ряд просчетов в отношении исламистских движений. Так, во время так называемой «Дамасской вес-

ны», ознаменовавшей его приход к власти, сопровождалось некоторое послабление к деятельности общественных организация, под прикрытием которых активизировались «Братья-мусульмане» и салафиты. А через некоторое время, стремясь ограничить влияние исламистов в нагнетании антиправительственных настроений, режим идет на ряд уступок исламистам, стремясь наладить диалог с ними [12, с. 319-321]. Однако это фактически приводит только к частичной их легализации в общественно-политическом поле Сирии и нарастанию влияния с середины 2000-х годов при все более усиливающихся связях и финансовой поддержке из-за рубежа.

В этом контексте необходимо также остановиться на идеологической составляющей современных политических течений с панисламистской направленностью, к которым собственно относятся отмеченные выше «Братья-мусульмане» и основная часть салафитов. Активная и последовательная пропаганда их взглядов во многом и способствовала постепенному формированию в среде суннитской общины Сирии уже накануне эскалации конфликта представлений о построении общеисламского государства на халифатистской основе. Это во многом потом стало одним из решающих факторов в поддержке ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в России) в восточных районах страны, где компактно проживает суннитское большинство. Впрочем, идея создания подобного государства внедрялась наряду с представлениями о непримиримом противостоянии в идейном и политическом плане с другими мусульманскими и немусульманскими религиозными течениями. Что в условиях отмеченного выше доминирования алавитского меньшинства в политической и отчасти финансово-экономической сферах жизни в Сирии находило горячий отклик в суннитской общине, а пересмотр ее роли и влияния в данных сферах постепенно стал восприниматься как естественное движение к справедливости. Поэтому «Братья-мусульмане» и салафитские группировки находят в этом отношении в Сирии самую благодатную почву. Следствием этого же

становится и появление на территории Сирии ИГИЛ, нашедшего здесь заметную поддержку местного населения [3].

Еще одним фактором, способствующим возникновению внутрисирийских политических сил, тесно связанных с зарубежными центрами, становится политика режима Асадов по отношению к национальным меньшинствам, в первую очередь – курдам (2,5-3 млн. чел.) и туркманам (порядка 200 тыс. чел.). Жесткая ассимиляционная линия Дамаска по отношению к этим этническим меньшинствам, составляющим компактные группы населения в северных и северо-восточных районах страны, только способствовала недовольству в их среде и налаживанию контактов в зарубежье. Так, сирийские курды никогда не порывали связей со своими соплеменниками в Ираке и Турции, в том числе с курдским вооруженным подпольем в них. Этому способствовало и то, что значительная их часть в Сирии были недавними беженцами из этих стран [10, с. 172]. В свою очередь сирийские туркманы с 2000-х годов все более начинают ориентироваться на родственную им в этническом и лингвистическом отношении Турцию, которая разворачивает в местах их расселения (в основном приграничных с ней) не только бурную экономическую деятельность, но и различных общественных организаций [13]. В том числе и ультраправой националистической протурецкой организации «Серые волки» («Bozkurt») (террористическая организация, запрещенная в России), открыто заявившей о себе позднее, уже в период полномасштабной эскалации Сирийского конфликта [15].

Все эти процессы во многом вели к тому, что приграничные районы Сирии, населенные этническими меньшинствами все более подпадали под влияние внешних сил. Впрочем, без поддержки местного населения, которое до этого более десяти лет постепенно вовлекалось в поле идейного влияния Турции через различные культурно-гуманитарные акции и институты, данной стране было бы достаточно сложно реализовывать свои внешнеполитические устремления в Сирии.

Дополнительную роль в разворачивании событий «Арабской весны» 2011 года в Сирии и последующей эскалации сирийского кризиса сыграло также то, что фактически в стране до этого момента отсутствовала какая-либо влиятельная и сильная светская оппозиция. В этом случае не имеет смысла брать в учет так называемую официальную оппозицию, представленную несколькими политическими (основном «левыми» партиями), которая была в этой стране до 2011 года. Поскольку она была полностью подконтрольна действующему режиму и поддерживает его до сих пор.

Те политические деятели, взгляды которых шли в противоречия с политикой и идеологическими установками режима клана Асадов, десятилетиями вынуждены были эмигрировать из страны, постепенно составляя сравнительно небольшие оппозиционные группы как на самом Ближнем Востоке, так и в европейских странах. Их слабое влияние внутри самой страны достаточно хорошо проявилось по мере разрастания гражданской войны, когда из числа политических эмигрантов внешние силы попытались создать единые координационные центры антиасадовской Сирийской оппозиции – «Сирийский национальный совет» (СНС) в августе 2011 года в Дохе (Катар) [19] и «Национальный координационный совет за демократические перемены» летом-осенью того же года в Турции [10, с. 169-170]. Так, вскоре они почти полностью утратили влияние и вооруженное противостояние в Сирии все более приобретало оттенок религиозно-политического конфликта.

С постепенной эскалацией сирийского кризиса «Братья-мусульмане» и местные салафитские группировки окончательно выходят из подполья и начинают активную деятельность, направленную не только на борьбу с режимом Б. Асада, но и расширением собственного влияния в стране, устанавливая контроль над целыми ее районами. Показательно, что это были преимущественно центральные и восточные районы Сирии, где традиционно сунниты составляют большинство, в среде которых идея реформирования власти в

его пользу рассматривалось как закономерное и справедливое условие. Во многом поэтому на значительной части этой территории распространяется власть ИГИЛ, которое пропагандировало построение истинного и справедливого мусульманского государства. Впрочем, значительные районы страны оказались в руках «Свободной сирийской армии» (ССА) (террористическая организация, запрещенная в России), тесно связанной с организацией «Братьев-мусульман» (террористическая организация, запрещенная в России) [10, с. 150-158] или же под контролем других исламистских группировок – «Джабхат ан-Нусры» (террористическая организация, запрещенная в России) и др. [2; 17, с. 50-53].

В то же в северных и северо-восточных районах Сирии процессы развития сирийского конфликта протекают несколько в иной форме. Здесь, в районах расселения туркманов при прямом участии Турции создаются вооруженные протурецкие отряды (при прямом участии ультраправой националистической группировки «Серые волки»), которые начинают вести активные военные действия против проправительственных сил, позднее в том числе и при прямом взаимодействии с вооруженными силами Турции (преимущественно в провинции Идлиб) [13].

В северо-восточных районах Сирии, населенных преимущественно курдами, они вынуждены были противостоять ИГИЛ в тесной взаимосвязи с вооруженными формированиями иракских курдов [9]. В то же время отряды народной самообороны сирийских курдов (YPG) политически связаны с наиболее влиятельной курдской политической силой стране – «Партией демократического единства» (ПДЕ), которая идейно связана с Курдской рабочей партией [8, с. 469]. Поэтому нет ничего непредсказуемого, что в течение сирийского конфликта курдские силы Сирии, выдержавшие противостояние с ИГИЛ постепенно переходят к идее создания глубокой автономии на территории этой страны или же даже фактически независимого государственного образования, подобно тому, как это случилось в сосед-

нем Ираке, где местными курдами фактически создано собственное квазигосударство [18, с. 2-10].

Подобный пример, когда реализуется потаенная мечта курдов на создание собственного государственного образования хотя бы частью этого этноса, не может не быть заразительным для сирийских курдов. Учитывая, что они в процессе борьбы с ИГИЛ сумели не только выстоять, но и нарастить свой военно-политический потенциал на северо-востоке страны, заручившись при этом поддержкой США по мере течения Сирийского конфликта. Все это в потенциале создало условия, что для возникновения долговременного очага сопротивления в этой части Сирии с откровенно сепаратистским уклоном доминирующих здесь курдских политических сил. А несколько позднее, в 2016-2017 годах вооруженные отряды сирийских курдов занимают значительную часть севера страны, став здесь одной из наиболее влиятельных сил [7, с. 83-84]. Это приводит к еще большей трансформации политических взглядов курдов, выступающих за широчайшую автономию в составе Сирии.

Итак, поддержка различными конфессиональными и этническими группами Сирии в условиях эскалации долговременного конфликта внешних сил была вполне закономерна, так как их программы и видение будущего страны отвечало внутренним взглядам этих групп. Именно по этой линии происходит раздел на проправительственные и антиправительственные силы в Сирии.

Дополнительным фактором стало, что в стране фактически не сложилось действенной светской оппозиции, поэтому политическое противостояние постепенно приняло религиозный оттенок, перейдя таким образом в русло межконфессионального противостояния суннитского большинства алавитскому меньшинству или же официального Дамаска и национальных меньшинств. В таких условиях идеи конфессионального или же этнического единства в целом возобладали и углубились, что неизменно сказалось на усложнении сирийского кризиса и фактического сращивания во многих случаях

внешних и внутренних сил, противостоящих режиму Б. Асада.

Впрочем, это не ставит перед основной частью оппозиционных сил построения какого-либо нового квазигосударственного проекта, подобно тому, как это стремилось сделать ИГИЛ, наоборот, у основной части антиправительственных сил возобладало стремление свержения режима Асадов и построения на территории Сирии качественно новой государственности, которой доминирующая роль в политической и экономической сферах была бы в руках суннитского большинства [5, с. 86; 17, с. 50-51]. Поэтому даже в идейном разрезе местные, националистические взгляды не были преодолены в процессе развития сирийского кризиса и продолжают во многом определять действия основной части сирийских оппозиционных сил.

Однако фактическая победа сирийского самосознания над панисламистским в умах основной части сирийских оппозиционных сил и соответственно – поддерживающего их суннитского большинства, создало существенную идейную преграду на пути объединения местных исламистов и пришедших сюда извне. Так как первые де-факто не желали создания каких-либо

аморфных квазигосударственных образований, подобно ИГИЛ, на территории Сирии, их более интересовали более приземленные цели свержения режима Б. Асада и построения исламского государства в самой Сирии.

Таким образом, в процессе зарождения и развития Сирийского конфликта оформлялись различные политические силы и группировки, ставившие перед собой различные цели в зависимости от религиозных, этнических и прочих идейных установок, которые соответственно опирались на разные социальные и конфессиональные слои сирийского общества. Существенным фактором стало то, что часть данных сил и группировок пользовалась огромной поддержкой внешних сил, предполагаю через них продвигать свои геополитические интересы в рассматриваемой стране. Поэтому в процессе развития Сирийского конфликта заметная часть сирийских оппозиционных сил постепенно начинает терять поддержку местного населения, особенно в среде крупных исламистских организаций, так как ставит перед собой цель свержения власти Асадов, а не построения масштабных религиозных квазигосударств.

Библиографический список

1. Ахмедов В.М. Сирия при Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности. М.: ИА РАН, 2005.
2. Ахмедов В.М. Салафиты в условиях вооруженного восстания в Сирии // Институт Ближнего Востока. 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=22037>
3. Ахмедов В.М. Кто может противостоять «Исламскому государству» в Сирии // Институт Ближнего Востока. 2014б. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=21907>
4. Ахмедов В.М. Роль «Братьев-мусульман» в сирийском восстании. 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=23952>
5. Ахмедов В.М. Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI века). М.: ИБВ, 2015.
6. Ахмедов В.М. Роль конфессионального фактора в сирийском урегулировании. Часть 3. 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=33188>
7. Ахмедов Т.М. Многоходовая операция в судьбе западного (сирийского) курдистана в рамках большой ближневосточной игры в 2011-2018 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. №58.
8. Вахим Дж., Кузнецов А.А. Геополитическое измерение Сирийского конфликта // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2016. Т. 16. № 3.

9. Габриелян А. Усиление позиций сирийских курдов и интересы Турции // Институт Ближнего Востока. 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=33847>
10. Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Сирия и Йемен: Неоконченные революции. М.: «ЛИБ-РОКОМ», 2012.
11. Лаумулин М.Т. «Арабская весна» 2011 года: социально-политические изменения на Арабском Востоке и их международные последствия. Алматы: КИСИ, 2011.
12. Пир-Будагова Э.П. История Сирии. XX век. М.: ИВ РАН, 2015.
13. Полонский И. Ближневосточные туркмены. Тюркский фактор в Ираке и Сирии // Военное обозрение. 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/87010-blizhnevostochnyye-turkmeny-tyurkskiy-faktor-v-irake-i-sirii.html>
14. Поляков К.И., Хасянов А.Ж. Проблема стабильности Сирии в XXI в. // Ближний Восток и современность. Вып. 9. М., 2000.
15. Пронин А. «Серые волки» // Столетие. 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/seryje_volki_897.htm
16. Сарабьев А.В. Вопросы межконфессиональных отношений в Сирии // Религия и общество на Востоке. Вып. 1. М.: ИВ РАН, 2017.
17. Сирийский рубеж / под ред. М.Ю. Шеповаленко. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2016.
18. Ханалиев Н.А. О дилеммах и перспективах независимости Иракского Курдистана // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. №1.
19. Щегловин Ю.Б. Проблемы и перспективы сирийской оппозиции // Институт Ближнего Востока. 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=35288>
20. Butter D. Syria's Economy: Picking up the Pieces. The Royal Institute of International Affairs. June. London, 2015.
21. Matar L. The Political Economy of Investment in Syria. Palgrave Macmillan. 2016.

INTERVENTION OF EXTERNAL FORCES IN THE SYRIAN CONFLICT: LOCAL SUPPORT FACTOR

Kh.I. Almehraz, *Senior Lecturer*

Bishkek State University named after K. Karasayev
(Kyrgyzstan, Bishkek)

***Abstract.** The article is devoted to the problems of interference of external forces in the Syrian conflict and the development of the Syrian armed opposition with support from abroad. As well as the influence of external factors that have found fertile ground for the development of their own political and economic goals in Syria. As a result of the high degree of fragmentation of the Syrian society along ethno-confessional lines, two main streams were formed in Syrian society: government and anti-government.*

***Keywords:** Syria, Bashar al-Assad's regime, external factors, Syrian soil.*